

Прикусили язык

Русский в Казахстане теперь не «наравне», а «наряду»

Встреча Владимира Путина и Касым-Жомарта Токаева. Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ

12:07, 11 февраля 2026,

Вячеслав Половинко

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В России удивились тому, что в проекте Конституции Казахстана «понижают» статус русского языка. На деле всё ещё долго останется по-прежнему. Просто русский сам постепенно уходит из страны.

Новость из Казахстана, на которую за пределами страны обратили внимание больше, чем внутри республики: в проекте новой Конституции в статье о том, где используется русский язык, **заменяли** слово «наравне» на слово «наряду». То есть государственным языком был и остаётся казахский, но механика применения русского языка в госорганах меняется. Если раньше информацию вам должны были дать на русском в том же объёме, что и на казахском, то теперь это будет происходить, похоже, по запросу самого гражданина. Те же депутаты парламента, которые входят в состав конституционной комиссии, могут продолжать выступать на русском, но в целом им никто не обязан теперь объяснять выступления коллег на государственном языке. И всё в таком же духе.

Российские СМИ, которые дали эту новость и на уровне федеральных сайтов, и на уровне регионов (об этом написал даже **сайт** «Кубанские новости»), в своих высказываниях пока весьма аккуратны — зато в комментариях люди массово обвиняют Казахстан в «чёрной неблагодарности» и традиционно сравнивают его с Украиной. Вот, мол, там тоже пытались ущемить русский язык — и смотрите, к чему привело. Вторая эмоция — уныние: даже «союзник», который всегда говорит о «добрососедстве», очень быстро отпочковывается. И с российской стороны это так и выглядит. Но в Казахстане к этому изменению отнеслись куда спокойнее (хотя волнения тоже были — просто совсем с другого фланга). Тому есть три простые причины.

Во-первых, сфера применения русского языка как языка

«межнационального общения» сильно сократилась сама по себе. Такой конструкт, кстати, был лишь в Конституции 1993 года, а с 1995 года речь всегда ведётся как раз про «наравне с государственным». «Новая» писала об этом прошлым летом: демографически и культурно Казахстан сильно поменялся за последний десяток лет — новое поколение молодых граждан казахский воспринимает именно как первый и нередко единственный язык.

Если речь идёт об изучении других языков, то учат английский, французский, китайский. Русский присутствует как фон — но в целом фон уходящий. Всех смутило слово «наряду» как понижение статуса языка, но никого не смутило, что это говорится про госорганы.

В обычной жизни сфера применения казахского языка растёт естественным образом. Да, летом посол Казахстана в России Даурен Абаев [утверждал](#), что 95% граждан страны владеют русским языком (без уточнения, откуда он взял такие цифры, но с оговоркой «по-моему») — но говорят-то уже больше на казахском. От города к городу пропорция употребления языка может меняться: в Астане и Алматы русской речи пока, кажется, больше; в южных регионах русский постепенно уходит на уровень локального минимума. Показательный пример — сфера услуг: в магазинах у дома, кафе, салонах красоты, такси на казахском вам теперь будут отвечать чаще. Это базовый уровень языка, который легко если не выучить, то понимать.

Фото: Ксения Федорова / Коммерсантъ

Вторая причина заключается в том, что от русского языка на уровне нынешнего поколения государственных деятелей никто не отказывается целенаправленно. При всех вопросах к государству стоит отдать ему должное: понимая геополитическую сложность ситуации, власти не стали убирать строку о русском языке, как это требовала радикально настроенная часть патриотического лагеря. Нынешний политический режим почти во всём стремится к умеренности — а национал-патриоты идейно ему совсем не близки. Да и ругаться с Кремлём из-за их желаний лишний раз сейчас нет никакого смысла и желания. «Ситуация между Россией и Украиной и лозунги Москвы про защиту «русского мира» придают милитаристский характер этому вопросу», — добавляет политик Амиржан Косанов. Нервные движения языком российских пропагандистов в отношении Казахстана заставляют действовать политиков в республике ещё

аккуратнее.

Тут надо отметить: весьма справедливым представляется утверждение о том, что современная казахстанская власть представлена технократической интеллигенцией, получившей образование в крупных городах или за рубежом.

Изменения в Конституции в части языка подаются в том числе как филологическая замена именно в казахоязычном тексте: предыдущие формулировки были неточными, да и сам язык с тех пор стал более согласованным.

Приведение словесных конструкций к современным нормам языка не воспринимается конституционной комиссией как вопрос политический.

Однако нотка политики в этом, безусловно, есть — и связана она с внутренней проблемой изучения языка. Тут провал государственных программ налицо. «Если бы в самом начале обретения независимости была бы создана эффективная система изучения казахского языка, ныне все 35-летние казахстанцы всех национальностей владели бы государственным языком в совершенстве. Увы, этого не случилось. Не была создана такая система тотального обучения, да и у некоторых граждан не было желания, ибо и без знания государственного языка в Казахстане всё ещё можно жить и делать успешную карьеру на госслужбе и развивать бизнес», — сетует Амиржан Косанов.

Правящий режим это понимает и, очевидно, относится к вопросу более методично. Сокращение русского языка в

госорганах как раз и призвано решить проблему «лёгкой карьеры» для тех, кто не хочет быть «государственником» в части употребления главного языка страны. Примеры того, как русские по национальности люди во власти отлично владеют казахским, госпропаганда нередко использует в качестве примера того, что и сам язык выучить несложно, и никакой дискриминации по национальному признаку во власти точно нет. Известны имена вице-министра культуры и информации Евгения Кочетова и мажилисмена Геннадия Шиповских, которые стараются публичные речи произносить именно на казахском. Кочетов успешно **учит** его по ходу карьеры (о чём его иногда спрашивают журналисты); Шиповских, когда ему было пять лет, лишился родителей и был **отдан** сначала в Кызылординский детский дом, а потом в казахоязычную семью — то есть фактически с детства является носителем языка.

Есть и другие, менее публичные примеры. И бесят они обычно только представителей «российских патриотических медиа», которые ещё в 2022 году придумали всем русским, кто не показывает свою «русскость», обидное прозвище «выруси».

Астана. Фото: Влад Некрасов / Коммерсантъ

За пределами госслужбы решения, что делать с большим количеством русскоязычных, которые не знают казахский в достаточной степени, у действующей власти по-прежнему нет. Негласный компромисс заключается в том, что примерно через 20 лет сфера применения казахского языка будет настолько всеобъемлющей, что вопрос решится сам собой. Поэтому поколение 35+, которое не попало или не захотело попасть в новую языковую реальность, пока может себя чувствовать относительно спокойно. В целом, и казахстанская власть сейчас в большинстве своём состоит как раз из представителей этой группы. Отказаться от русского языка не сможет даже она — и тем более не инициирует этот процесс для других.

Возвращаясь к нервной ситуации из-за

периодических российских «тычков»: ни одной власти в здравом уме не нужны волнения из-за «ущемления языка» где-нибудь в северных областях Казахстана.

По сути, Акорде (резиденция президента Республики Казахстан) по-прежнему было бы выгодно, если бы языковой вопрос остро не ставился, а оставался своеобразной фигурой умолчания с упоминанием лишь положительных примеров изучения языка — что наравне, что наряду.

Наконец, третья причина, почему в самом Казахстане эта поправка в проекте Конституции не вызывает такого ажиотажа, звучит совсем просто: вся смена основного закона задумана вообще не ради этого. «Новая» уже писала, что власть максимально бетонирует и сосредотачивает президентские полномочия в одних руках — самого Токаева или его преемника. И основные нарративы будут вшиты в эти статьи документа, а вовсе не в языковой уклад. К тому же после сильного возмущения предыдущим — сырым — текстом документа конституционная комиссия местами стала отыгрывать назад в логике «давайте поддержим, но вообще это же ещё только проект, будем дорабатывать». Сам процесс работы над Конституцией показывает, что документ нужен для конкретного исторического периода и для применения конкретной политической группой. В этом смысле описанные там статьи будут зависеть от применения этими людьми — а они сделают всё, чтобы обезопасить себя от сложностей и изнутри, и извне. И за языком — во всех смыслах — они точно будут следить.